

*«Живые и мертвые» К. Симонова - эпос войны*

Победа 1945 года стала рубежом не только между войной и миром, но и между военным и послевоенным сознанием у продолжающих и начинающих писать о войне, началом неизбежной переналадки художественного зрения, сложившегося за предшествующее четырёхлетие. Естественный и необходимый во время войны функционально-пропагандистский, героико-патриотический пафос, определявший в литературных произведениях всё: от системы персонажей до интонационно-речевого строя, от подбора деталей до сюжетов, уступает место другому - достоверному изображению того, «как это было», для исследования на этой основе всей многомерности явления «человек и война». Эти две равнодействующие: безупречная, часто почти документальная точность в изображении военной реальности и начавшееся расширение проблематики, нравственно-гуманистическое осмысление этой реальности - и лежали в основе развития прозы о войне после победы.

Об истинном лице войны К. Симонов вновь заговорил в конце 50-х годов, и открытием, откровением стал его роман «Живые и мертвые». Роман Симонова - это трагедия сорок первого года, разворачивающаяся не только перед глазами Симонова-военного корреспондента в сумятице отступления, бомбежек, танковых прорывов ставшего адъютантом комбрига, выводящего остатки дивизии из фашистского кольца. Это была трагедия, открывающаяся перед потрясенным читателем, не знакомым с подобными книгами.

Начатый в 1955 году, роман был закончен во время поездки К. Симонова в Среднюю Азию. Роман К. Симонова избежал участи «карательного изъятия», несмотря на серьёзное расхождение автора с общепринятыми тогда представлениями о войне. Избежал, в частности, потому, что их автор в совершенстве владел искусством компромисса между правдой и, говоря его словами, «соображениями здравого смысла», приёмами, я бы сказал, расстановки защитных идеологических вех.

Опираясь на точное знание реалий войны, автор романа взломал миф о единодушии советского общества, противостоящего врагу, о продуманности и оправданности наших операций 41-го и 42-го годов. Он раскрыл гамму конфликтов между соратниками с разным нравственным сознанием и страшный след предвоенных репрессий в судьбе армии. Он увидел, как противоборствует в воюющих людях казённо-исполнительская и инициативно-гуманистическая психология, как тяжело отзывается на солдатах опьянение властью, исключение из сознания отдающих приказ нравственных понятий о цене победы и доверии к человеку.

Книга К. Симонова вызвала широкий интерес и бурные споры, в том числе среди военных историков. По явному недоразумению, кое-кто из историков не признавал различия между научными и художественными исследованиями минувшей войны. А другие пытались поставить роман Симонова в один ряд с военными мемуарами, что тоже, конечно, неверно. Такая ситуация отчасти объяснялась тем, что в то время только начиналось издание первого капитального научного труда по истории Великой отечественной войны. Причем его второй том, охватывающий тот же период, что и симоновский роман, находился еще в стадии разработки.

Главный герой романа - военный журналист, поэтому он всегда в пути, и это традиционно для русской литературы: Радищев, Гоголь, Некрасов, Лесков, Платонов - все они отправляли своих героев в странствие по Руси. А у Симонова герой странствует по войне, и трагичность ситуации предельно обнажена, вокруг только смерть, причем не та, плакатная, когда «не дрогнув героическим лицом...». В центре повествования - судьба человека на войне (вымышленная биография Синцова).

Почти все действующие в романе лица - от Синцова и Серпилина до третьестепенных персонажей - люди подвига. Изображение подвига в романе емко, многомерно, охватывает разные стороны и конфликты действительности: пробивающийся из окружения Ковальчук прячет знамя дивизии под гимнастеркой, капитан Гусев и его артиллеристы собственными руками катят пушку от Бреста до Смоленщины, пожилая женщина требует возможности работать санитаркой на фронте и т.д.

При этом следует отметить, что К. Симонов показывает героев как типичных представителей своего поколения, для того, чтобы подчеркнуть эту типичность, в роман вводится особый авторский комментарий, который звучит уже в удивительно точно найденной первой фразе: «Первый день войны застал семью Синцова врасплох, как и миллионы других семей». Это прямое сопоставление индивидуальной и народной судьбы проходит через весь роман: «Он не был трусом, но, как и миллионы других людей, не был готов к тому, что произошло»; «Он не пережил бы те дни без этой веры, с которой незаметно для себя, как и миллионы других военных и невоенных людей, втянулся в четырехлетнюю войну»; Сегодня день снова был прожит так, как он привык жить: за общим делом, вместе с другими людьми» и т.д. Синцов живет как другие, как тысячи, миллионы других. Тот же прием уравнивания судьбы отдельных героев романа и судьбы народной, массовой Симонов широко использует и для характеристики других персонажей. Эта мысль настойчиво внедряется в сознание читателя, и именно она совершенно необходима роману, неотделима от его сущности, от его пафоса.

В письме Затуловской, спрашивающей К. Симонова, почему Серпилин погибает в конце романа, автор пишет: «...война до последнего своего дня была трагедией. Потому что на ней погибали люди. И трагедией она была в этом отношении и тогда, когда мы стали побеждать немцев, громить, окружать. И вот для того, чтобы показать, что война до последнего дня оставалась трагедией, что нам пришлось платить самую дорогую, какую только можно вообразить, цену за победу и за каждый шаг этой победы, для того, чтобы читатели это почувствовали, мне пришлось расстаться на поле боя с самым дорогим для меня в романе человеком» Симонов К. Письма о войне. 1943-1979. - М., 1990. - С.95..

Если есть в романе строчки о радости, то это горькая, трагическая радость, такая, которую переживает смертельно раненный командир дивизии Зайчиков, когда перед ним встанет старшина Ковальчук, вынесший на себе знамя: «Слеза за слезой медленно катились из обоих глаз, а рослый Ковальчук, державший знамя в громадных, крепких руках... тоже заплакал, как может плакать здоровый, могучий, потрясенный случившимся мужчина»; или «...самая высшая из всех доступных человеку радостей - радость людей, которые спасли других людей». Спасение людей на войне К. Симонов показывает не только с точки зрения героики поступков, но и как долг офицера, обязанного беречь людей, не подвергать их бессмысленным опасностям. К. Симонов пишет: «На войне не бывает репетиций, как в театре, где можно сначала играть, пробуя, упражняясь, пока еще не всерьез. На войне не бывает черновиков, которые можно будет переписать заново или разорвать. На войне все пишется кровью, все, с начала до конца, с первого взмаха пера до последней точки».

Как видим, раздумывая об исходе войны, Симонов ставит его в прямую и непосредственную зависимость от характера человека.

К. Симонов он ревностно относился к исторической правде, а так как во время выхода романа начал бытовать «ходячая и во многом несправедливая по отношению ко многим военным корреспондентам и писателям точка зрения, что, дескать, вот теперь-то вы пишете правду о войне, а тогда все лакировали и только и делали, что писали аллилуйю Сталину и «гром победы раздавайся», то одновременно с романом он выпускает книгу фронтовых очерков и рассказов «Фронт», «чтобы любой человек мог проверить, как этот очерк или рассказ выглядел в первоизданном виде во время войны» Симонов К. Письма о войне. 1943-1979. - М., 1990. - С.234-235..

Роман К. Симонова «Живые и мертвые» открыл в литературу дорогу знаменитому и великому «поколению лейтенантов», пришедшему с фронта и принесшему с собой не только правду о войне, но и отвращение к любой лжи. Это они, В. Астафьев и В. Быков, Г. Бакланов и Ю. Бондарев, К. Воробьев и В. Кондратьев, принесли в литературу и чувство ответственности, и осознание, что ты - часть этого великого мира. Они отбросили бездумное любование подвигами и принесли чувство высокой трагичности: человек вынужден взять оружие, убивать, чтобы спасти все, что ему дорого, спасти себя, свой народ и свою страну. Так рождается удивительная военная проза, донесшая до нас голос, чувство, душевное состояние русского человека, оказавшегося в нечеловеческих условиях и сумевшего сохранить человечность.